

18+

Тимур Бикбулатов

Бог-н-черт

Эгоанархия

Тимур Бикбулатов

Бог-н-черт. Эгоанархия

«Издательские решения»

Бикбулатов Т.

Бог-н-черт. Эгоанархия / Т. Бикбулатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744117-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Повесть Тимура Бикбулатова «Бог-н-черт», написанная в 1999 году, может быть отнесена к практически не известному широкому читателю направлению провинциальной экзистенциальной поэтической прозы.

ISBN 978-5-44-744117-3

© Бикбулатов Т.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Бог-н-черт Эгоанархия

Тимур Бикбулатов

© Тимур Бикбулатов, 2015

ISBN 978-5-4474-4117-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

«Выброси меня из головы», – Макс натянул черные перчатки и открыл крышку рояля. – «Кабачкий тапер или истопник в крематории – все эти позументы я ношу только для выдроченных истеричек», – моцартовские аккорды растеклись шоколадным плевком на подвенечном наряде. «Кошка, нажравшаяся валерьянки, я в твоей постели или этот ублюдок, испортивший нам вечер», – он махнул рукой в дальний угол комнаты, где стояло трехногое кресло, – «это безразличная ненависть, гибкая и упругая, как ты, с такими же бесцветными глазами и плоскими шутками», – дрожащие руки наполнили стакан, и пальцы в черной коже, увеличенные алкогольной оптикой, обреченно сдавили крякнувшее стекло.

Сидящий в кресле человек был мертв. Я знал это точно. Во-первых, потому, что убил его собственными руками, а во-вторых, потому, что это был я сам. Бестолковый мрак душевной комнаты настойчиво и терпеливо давил на мои выпученные бельма. «Но я же любила его, любила, черт возьми, пока ты, седой сексуальный мальчик не встал между нами. Из-за тебя, из-за твоей гениальной убогости мне даже стыдно плакать о нем», – прокуренный голос крепко впивался в обмякшую пустоту. И только ногти, кромсавшие сигарету, пытались нарушить тошнотворное равновесие.

«Стыдно плакать? А ты хлопай в ладоши. Правь панихиду по нудному цинику. Философ, писатель... Да я в мышинной заднице наскребу больше умных мыслей, чем в его писанине. Эти скрипучие меланхолики», – он захлопнул рояль и залпом опустошил стакан, – «копаются в собственном дерьме, чтобы доказать нам нашу ничтожность. Вот она, стонущая девственность», – Макс смахнул со стола исписанные листки, – «бросайся на колени, целуй их, лобызай, пусть они утоляют твою похоть, я не буду мешать вам, я слишком плохо воспитан».

Она медленно встала, нагнулась и подняла с пола измятый листок. Мелкий, прыгающий почерк больно отсек прошлое...

...город. Ночной город, липкий от завершающихся любовных плясок. Город с кольцом в носу и разорванным ухом. Истерика тупых реклам – агонизирующая похоть интроверта. Бесстыжая минетчица со скромными глазами. Именно то, что мне нужно.

Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО САМОУБИЙЦЫ УМИРАЮТ БЕЗ СМЕХА!...

Она вспомнила меня, вспомнила мои глаза, закованные в переломанную оправу, большие глаза, уменьшенные и искаженные толстыми линзами, а затем перевела взгляд на кресло и поразилась таким страшным искажением памяти. «Ты еще здесь? – она даже не повернулась в сторону Макса, – Я ненавижу тебя».

«Ненавидеть надо уметь, киска. Это искусство, которым не овладеть, надув губки и топнув ножкой».

«Да кто ты такой? Спившийся пианист – подумаешь, невидаль. Развязавшийся пуп земли! Пить напропалую, альфонсить да мнить себя гением только из-за того, то умеешь извлекать всякую херню, смешав Сартра и Ницше. Тоже мне дерьмо с медом. Кто ты мне? Может, считаешь себя ходячим сексуальным совершенством? Что ты умеешь в постели? Слепо шариться да кряхтеть спьяну, приятный партнер, да?»

Она замерла на полуслове, ибо Макс, улыбнувшись, уже надевал шляпу. «Целую!» – и дверь осталась открытой.

Белла (я не уверен, что это было ее настоящее имя) взяла из пачки сигарету и нервно зашагала по комнате. Незажженная сигарета протыкала воздух (мопассановская грязь, герцогские письма – что, не угадал?). Она не умела выбрать себя (гордый профиль, золотой медальон, менструальные боли – это не ты, блефуй, время просит). Она натыкалась на слова и, слепо прищурившись, сознавала свое поражение в гамбите – миттельшпиль недосыгаем. Идеально

чистый пол – как это он не догадался стряхнуть на него пепел? Выпито все, рояль закрыт – опять безупречно, но не может же он не передергивать. Противно. Рукопись должна быть на полу. Нет, аккуратно лежит на столе, прижатая Дафнисом и Хлоей, бронзовыми уродцами – пресс-папье, подаренным на Рождество странным прохожим (это был Макс?). Капельки воска на подсвечнике угрожающе свесились и через минуту потекли по выпуклостям женщины с кувшином – нет, не перевелись еще толстомордые стеклодувы, любители пива и похабных уличных песенок. «Рыжиком Жанну в деревне дразнили...» Ее собственный портрет с букетом тигровых роз, который я называл «Натюрморт с проституткой», – она обижалась, дулась и, в конце концов, смеялась, заклеив меня пошляком. Она села в кресло и закрыла глаза. Он сегодня играл Моцарта – каждая нота осталась в ней, но их порядок шел почему-то вразрез с гармонией. Он что-то хотел сказать? Дурак с музыкальными пальцами. Она не смела смотреть на меня, вальяжно застывшего в позе короля суицида, может быть, стыдясь своих дрожащих губ, а, может быть, просто боясь. Ей опять попала на глаза моя рукопись.

...Курю. Вчетверо сложенный вечер летит в урну вместе с моими стихами. Бесполезность, втертая в виски, тицится стать бессмысленностью. Это вы скрестили похоть с любовью – ищест.

СМЕЯСЬ, УМИРАЮТ НЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ!...

Макс вышел под дождь. Несуразная слякоть, вросшая в темноту, чем-то не нравилась ему, и он, хмельной и тоскливый, находил какое-то отдохновение в том, чтобы, вступив в теплую лужу, чувствовать, как теплая вода медленно вливается в его новые ботинки. Автобусы уже не ходили, но это его мало волновало, он шлепал по пустынному тротуару, отрешенно перебирая пальцами отсутствующие клавиши. В темном парадном своего дома, парадном, пахнущем парфюмерией и дерьмом, он споткнулся и неожиданно для себя уселся на грязную ступеньку. Голова трещала, и невыносимая тяжесть во всем теле рассеивала некогда волевой взгляд все презревшего самоучки. Воспоминания беспутного детства сыпались из раскрошенного черепа. Ночной пляж, девчонка в разорванном платье (ее похотливо-испуганные глаза он все время пытался привить Белле) и он, опешивший и растерянный на ее груди, плачущий от восторга. (Нет, не так: холодная ночь и голый подросток, вытирающий слезы обрывками белого платья обнявшей его маленькой распутницы). Каждая новая постель будет лишь отдаленным призраком того холодного золотого песка. Поддразнивая шекспировское пуританство, он называл ее Джульеттой, а она, подыгрывая, шептала: «Ромео...» Монтекки и Капулетти – маленькие бесстыдники. Макс вытащил из кармана флакон одеколона и, поморщившись, влил его в себя. Едко пахнувшая жидкость зажмурила ему глаза и подарила гримасу дешевого трагика. Почему-то пригрезилась отцовская библиотека. Монтень, Шопенгауэр, Достоевский – он расплющивал свой нос о стекло обколупанного шкафа времен Иосифа Прекрасного. Магия пыльного знания. Да, покойный отец понимал толк в амфибрахиях и неоплатониках.

Макс плохо помнил отца. Карандашный портрет с кофейным пятном в углу, бешеный блеск глаз да прихрамывающая походка (музыкальный слух – мамочкина заслуга) – вот и все наследство – утри нос и улыбнись. Библиотека досталась брату – Жорж давно уже прервал все отношения с непутевым родственником. На хрена брату эти книжки? Он, наверное, и по сей день читает только уголовную хронику... Туман в голове рассеялся, когда обшарпанная дверь с ржавой ручкой, поддавшись под тяжестью тела, со стуком ударилась о стену (Макс никогда не запирает дверь: «вредная привычка!» – мрачно отшучивался он). Прошлепав в комнату, снял телефонную трубку. «Все плачешь?» – и, не раздеваясь, лег спать.

Утром, с трудом оторвавшись от постели, сомнамбулической походкой направился в ванную. Холодный душ немного прояснил его мысли. Он несколько не ужаснулся вчерашнему вечеру – это было действительно нелепо. Танцы вокруг трупа, похотливая истерика – боже мой, эти женщины и вправду морально уродливы. Макс выключил душ и, перекинув полотенце через плечо, вышел из ванной. Большое коридорное зеркало заставило его остановиться. Да,

не таким представляли себе Аполлона древние, совсем не таким. Может, Белла права? Кто он такой, чтобы его любить? Не знающий нот музыкант, слоняющийся по притонам в поисках страха. Ни образования, ни любимой работы – только талант, да светлая голова, а что это такое, когда твоя ненужность predetermined. Молодой человек, пропивающий судьбу за ее же деньги. Худое, загорелое тело – нет, не из тех, что является приманкой для фривольных меценатов. Жизнь прожита – безнадежность, на которую он всегда плевал. Игра в фатализм оптимиста и – поражение за поражением, опять лезут эти паскудные мысли. Так недолго докатиться и до детских экспериментов с веревкой и табуретом. У Амадея это уже пройденный этап (Амадеем меня звали за полное отсутствие музыкального слуха). Надо ехать к Белле – она, кажется, не любитель утреннего кофе в обществе труппа, пусть даже и философа. Наспех одевшись, Макс застыл на пороге – и уже в такси, стряхивая пепел себе на брюки, он понял, что ему подарили будущее в роскошной коробке с траурной лентой. Он ей расскажет правду потом... Это произойдет, он был настолько в этом уверен, что принялся насвистывать похоронный марш, постепенно переходя в рок-н-рольный ритм. Водитель с интересом посмотрел на него в зеркальце. Макс улыбнулся ему и выплюнул окурок. «Тормози!» – и, чуть не забыв заплатить, припустил вверх по широкой лестнице, смешно припадая на левую ногу. Не дожидаясь лифта, он начал взбираться на пятый этаж, на ходу поправляя измятый, нестиранный галстук. Ее дверь была открыта, и Макс вошел во вчерашнюю квартиру с каким-то завтрашним чувством превосходства. «Еще один труп, мадам!» – он не смог удержаться и на этот раз. Белла утомленно взглянула на него, и ненависть, еще минуту назад готовая постоять за себя, стала медленно исчезать, уводя за собой презрение.

II

Она стояла перед ним в одном халате и старательно красила губы. «Ваше усердие, мадам, ваша тщательность – выше похвал, но зачем же такая рассеянность в постели?» – Макс валялся поперек дивана. – «Ни один адвокат не оправдает вашу интимную безалаберность, тем более что есть свидетели», – он бросил в меня подушкой (учитесь, циники; браво, Макс!), – «что кривите ротик? Вы и так непотребны». Руки ее дрожали. Она только сейчас осознала, что та Белла, умевшая красиво быть недосыгаемой, умерла в холодных объятиях серого паяца с картонным сердцем, заплесневевшим от собственной сырости. Ты бы плюнул мне в лицо («С удовольствием, дорогая»). «Занавесь зеркало – в доме покойник», – Макс чиркнул спичкой, – «и расскажи мне правду». Я, уже вползавший в легенду, мог только уповать на ее срывающийся шепот.

...Заратустра. Простите, я не танцую. Меня били, простите, но...

Какого черта эти глаза, соленые и подлые, ведь я мог бы их полюбить, если в них не умер Гоген, я бы спрятал в них зверя, если они есть.

БОГИ ВЕШАЮТСЯ С ДОСАДЫ!

III

Если бы не было дождя, плакать было бы некому. Священник в мятой, изъеденной молью рясе, недавно отпраздновавший полвека своей законной импотенции и теперь бормотавший свои бессмысленные скороговорки над моим гробом, с достоинством пускал слюни, словно они могли заменить прохладную чистоту сладко-соленых слез, его невнятные слова сплетались в безобидное кощунство о моем пребывании и загробном мире. С наслаждением мастурбируя Священное писание, он отчаянно пытался отыскать мне оправдание перед Господом, не очень-то любопытствуя, нуждаюсь ли я в чем-нибудь подобном. Гроб, в котором я покоился, был не то чтобы очень не по размеру, но если бы кто-нибудь вздумал откинуть белое покрывало, скрывавшее от любопытных глаз мое брэнное тело, то он нашел бы, что данное ложе заставляло меня принять весьма скрюченное положение (покойному Прокрусту пришлось бы отрубить мне ноги чуть ли не по колени). Если бы я не был мертв, то мои затекшие ноги концентрировали бы на себе все мое внимание, направленное сейчас на созерцание печальной церемонии собственного отпевания. Но скука отпевания всегда с лихвой компенсируется очаровательным процессом надгробных речей. Каждый, кто, оказывается, любил меня (что весьма сомнительно), был мне должен или просто помнил мой деревянный взгляд, плача от радости, говорил обо мне как о только что приобретенном раритете, которого как раз и не хватало для полноты коллекции. Они были готовы часами рассматривать меня в лупу, причмокивая и напевая под нос очередной шансон, или же, захлебываясь от восторга, расхваливать покупку своим беременным прозой жизни, вечно зевающим гостям. Еврейский оркестрик чихал, свистел и выдувал басы из грязно-зеленой меди откуда-то украденных труб. Как хорошо, что я был мертв (повторяюсь). Фальшивые звуки флейты и змеиный шип саксофона уже не могли отвлечь меня от циничных наблюдений за мрачным для живущих ритуалом. Хотя лучше бы какой-нибудь шарманщик легонько крутанул ручку своего музыкального ящика и спел хриплым голосом про разбитое сердце невинной обманутой девочки. По крайней мере, это было бы честнее и дешевле (что, вообще-то, меня теперь совсем не интересовало). А в целом, мне нравились мои похороны – в них было что-то бессмысленное, но я, я был центром, к которому волей-неволей прилипали взоры любопытных попрошак. Мне даже захотелось восстать из гроба и произнести речь, чтобы краснобай Цицерон, удивленный и поверженный, крикнул мне искреннее «браво!» Мне захотелось говорить о себе, о своем восхищении этими посиневшими руками, судорожно пытавшимися за что-нибудь схватиться (эти носильщики-алкоголики так раскачивали гроб, что я даже испугался, что мое одеревеневшее тело выкатится из опостылевшего ящика и вдребезги разобьется о скользкие плиты с истершимися надписями), о своем презрении к тем, кто не удосужился проводить меня в кипящие котлы гурмана-Вельзевула. Я бы кидал слова в неожиданно окаменевшие лица, и солнце бы бежало от глаз моих (ого, а я, оказывается, еще и умею вдохновенно врать, хотя разве это и не есть жизнь?).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.